

ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

ПРОЗА

**АНДРЕЯ
ОСТАЛЬСКОГО**

АНДРЕЙ
ОСТАЛЬСКИЙ

синдром
Л

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-76

Оформление серии *С. Власова*
Иллюстрация на переплете *В. Ненова*

Остальский А.
О-76 Синдром Л / Андрей Остальский. — М. : Эксмо,
2013. — 448 с. — (Любовь и власть).

ISBN 978-5-699-66553-2

Шпионская сага с крутыми поворотами сюжета? Любовно-психологическая драма? Фантастический роман? Каждое из этих определений подойдет к «Синдрому Л» Андрея Остальского. Но даже все они вместе не передадут главного: перед нами роман-страсть, роман-боль, роман-предупреждение.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66553-2

© Остальский А., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Время мимо нас течет, не задевая нас.
Или это мы вдвоем мимо времени течем,
мимо времени плывем, не открывая глаз...
два светлячка у вселенской тьмы на виду...

Ирина Богушевская

Санёк

1

В тот темный пятничный вечер сидел я себе мирно на кухне, не подозревая вовсе, какой поворот вот-вот сделает моя жизнь. За окном бесновалась поздняя осень, хлестал дождь, сверкала молния, а в моем доме было тепло и уютно. Я недурно проводил время на моей замечательной квадратной десятиметровой кухне и ловил кайф, попивая душистый испанский херес «Канаста», который подарил мне Витек из Первого главка.

Никаких дежурств в выходные у меня на этот раз не предвиделось, а жена с дочкой гостили у тещи в Житомире. Так что был я в квартире совершенно один, и одиночество открывало всякие дразнящие перспективы. В моем уже слегка раскрепостившемся воображении кружились всякие смутные образы, может быть, даже слегка похожие на Лидку из секретариата. И на секунду стало неважно, что мой никогда не ошибающийся нюх давно уже предупредил меня, что в Лидкину сторону лучше не смотреть никогда, поскольку вращается она на орбитах слишком высоких и страшных. Нюху, объяснял я сам себе, полагается трудиться в рабочее время, а в пятничный вечер надлежит отключиться и подремать, а заодно дать и

мне отдохнуть, порезвиться тихонько, хотя бы в мечтах, черт подери.

Лидкиного домашнего телефона я не знал (и слава богу, слава богу! — возликовал не так уж, оказывается, глубоко дремавший нюх), а потому я достал из пиджака записную книжку номер два, которую не то чтобы совсем случайно прихватил в тот вечер с работы.

У меня были две одинаковые замшевые записные книжечки желто-золотистого цвета, которые когда-то привез мне из Стамбула все тот же Витек. Они ничем не отличались друг от друга, только на корешке номера два был едва заметный брак — такая небольшая шероховатость, зазубрина, которую я натренировался узнавать и на глаз, и на ощупь, так что почти никогда блокнотов не путал.

В номере один были записаны телефоны лично-семейные и прикладные (как то: поликлиника, ателье, курортный отдел и пр.), а также и некоторые служебные, но не шибко секретные номера. Телефоны агентуры и все такое прочее по-хорошему полагалось хранить, конечно же, на работе в сейфе, но я, как и все, слегка нарушал, и многие, особенно часто необходимые, размещал в книжечке номер раз. Что же касается номера два, то там под всяческими загадочными псевдонимами и аббревиатурами значились все женщины, которыми я так или иначе в жизни интересовался, с которыми спал или мечтал переспать или просто так хотел помнить на всякий случай. Тут были все: плотненькие и худенькие, высокие и маленькие, блондинки, брюнетки и шатенки, а также парочка замечательных рыжих, обе, кстати, с несколько обезьяньими мордочками, но все равно — что за прелесть! — с такими невероятно длинными золотистыми от загара ногами (один идиот вычитал в иностран-

ных журналах в спецхране, что якобы с длинноногими кайф не тот — тот, еще какой тот!).

И первая любовь Олечка тоже сюда угодила, и несколько профессионалок, а также немало особо одаренных любительниц, ну и та же Лидочка тоже все-таки была здесь, ее служебный телефон значился под совершенно правдивой рубрикой: секретариат. Что же до остальных, то они в основном фигурировали под псевдонимами, да и те перемежались для конспирации всякими придуманными мужскими именами, иногда довольно смешными. Матвей Абрамович По-свистите, например, или Николай Завсегдай. Я считал себя таким образом надежно застрахованным от всякой случайной или плановой ревизии. Важно было лишь внимательно следить за тем, чтобы в пиджаке всегда находилась только одна из записных книжек, а вторая хранилась бы в сейфе на работе.

Итак, стал я сначала лениво, а потом все более нетерпеливо листать блокнот номер два. Ну, сразу попавшаяся мне на глаза Олечка с ее, если уж быть до конца честным, несколько кривоватыми ножками и влажным взглядом к ситуации не подходила. Валя из Марьиной Рощи? Нет-нет, после она имеет обыкновение ныть и проситься замуж. Рыжая Лена, нет спору, хороша, но будет небось опять крутить динамо. Хорошо бы, конечно, ее и дожать когда-нибудь, но сегодня, в хорошем настрое, после расслабляющей «Канасты», хотелось бы работать на верный результат. Вторая рыжая — Мила, — по некоторым сведениям, недавно снова вышла замуж, не стоит беспокоить молодоженов.

Или вот еще Нинка. Соколова вроде как ее фамилия. В блокноте записано: Нина С.

Красавица не красавица, но вполне... Подумаешь, глазки маловаты и глубоко посажены... Зато как жарко прижимается, как излучает... Грудей, считай, нет,

но волосы густые-густые, хотя и странноватого цвета — бледно-желтые какие-то. Но главное — вид сзади: с ног сбивает и дух захватывает. Вообще-то она мне в наследство от одноклассника Валерки досталась. Валерка говорил: классная совершенно трахалка. Не хочешь взять под свое крыло, так сказать? А то мне поднадоела слегка. За три с половиной года-то. Кто хочешь надоест. А у Валерки к тому ж в это время свадьба-женитьба наметилась, на сторону бегать стало сложнее.

Ну, в общем... Один раз у нас с этой Ниной и было всего, да и то перебрали мы с ней оба в тот вечер, поэтому любовь получилась невнятная. Или вообще не получилась... Можно было бы с ней и вторую попытку совершить, хотя обычно таких баб, с которыми оплошал, стараюсь я избегать...

Но вот беда: телефон Нинкин я в раздражении зачеркнул так жирно, что не разобрать было... Прямо хоть в ножки приятелю Володьке из научно-технического упасть: может, потренируются, расшифруют без особой огласки...

В общем, листал я страницу за страницей и постепенно приходил в отчаяние: полный блокнот баб, а никакого толку. Вот что значит лениться, столько лет пускать дело на самотек, не работать целенаправленно над обновлением содержимого. Положа руку на сердце, кого я добавил сюда за последние три-четыре года, если не считать вышеупомянутую Нинку Соколову? Ну, разве что Маньку-массажистку, которую аккуратно, в рамках отведенного для процедур времени, разрабатывал, то есть кадрил в пансионате «Дубрава», да разве она в счет? Эх, старость — не радость...

И снова листал я страницы блокнота, с некоторым уже чуть ли не остервенением, и ничего подходящего не находил.

Лена Б.? Это какая такая Б.? Не та ли стерва, что в прошлый раз, три, кажется, года назад, врезала мне по голове чем-то деревянным? Ух, не приведи господь!

Машенька С.? Эту помню прекрасно, эта хороша, и лицом и фигурой, хотя и простовата и не сильна насчет поговорить, зато покорна и на все согласна... Набрал я номер Машеньки, но там никто не ответил, может, ее не было дома, а может, и номер-то давно сменился.

Потом позвонил и продавщице Даше, и еще одной Лене, и даже толстозадой Вике, и, конечно, Жене Марковой, очаровательной, тоненькой, как статуэточка, с бархатными глазами. О Женечка, Женя, где же ты? «Кто ее спрашивает?» — гаркнул низкий мужской голос, и я бросил трубку.

А Вика оказалась дома, и никакой мужской голос не препятствовал нашему разговору, но Вика реагировала на мое предложение «взять и подвезти» без всякого энтузиазма. «Я на седьмом месяце, Саша», — вздохнув, сказала она. Э-эх!..

Совсем уже было я отчаялся и стал склоняться к «испанскому варианту» — то есть к тому, чтобы прикончить 0,7-литровую «Канасту», предполагая, что под конец женский вопрос сам собою утратит актуальность, примет форму снов и ночных поллюций.

И тут... как вспомню, так до сих пор дух захватывает и хочется вздеть руки к небесам, в самом почти конце замшевой моей книжечки, после буквы Р, и после буквы С, и после Т, У, Ф и Х, набрел я вдруг на страницу буквы Ц, где было всего две записи — Леша Цыганков, а под ним очень небрежно, видно второпях, записано: Шурочка Ц. Ну, Лешка — это, понятно, мой приятель по вышке, ныне сидящий высоко «под крышей» Союза журналистов. Благодаря ему, в частности, для меня в Домжуре всегда нахо-

дится столик. Но Шурочка, черт ее дери, кто вообще такая? Я даже от напряжения вскочил на ноги и стал бегать по кухне, пытаясь выжать из своих мозгов хоть тень воспоминания. Но, хоть убей, ни шиша не получалось.

Боже мой, какой позор для профессионала! «Ну и поплохел же я!» — ругал я себя презрительно. Не звонить же на самом-то деле наобум, ведь это и неприятностями может кончиться. Ладно еще, если какая-нибудь там родственница или приятельница жены. (Хотя тоже не оберешься.) А если, не дай бог, агентша, а? Нет, до такого я вроде еще не дошел, чтобы агентш забывать. Крутить с ними шуры-муры, естественно, серьезный должностной проступок (хотя с кем не бывает, и не пойман, естественно, не вор). Но забыть или перепутать с кем-то — куда хуже, это уже полная профнепригодность...

Так думал я, пытаясь себя разозлить, завести, подначить, надеясь, что проклятая Шурочка выплывет наконец из глубин подсознания и напомнит мне факты своей биографии. В какой-то момент показалось, что уже ухватил ее за рукав, уже увидел нечто, похожее на лицо, но потом опять — срыв и отчаяние. Вот ведь чертова кукла!

В общем, взял я, шарахнул еще бокал испанского зелья, покрутил головой и набрал номер.

— Алло? — Голос был совершенно незнакомый, но такой... обалденный. Как будто ручеек журчит. Нет, гораздо лучше, нежный, но глубокий и слегка хриплый, терпкий, что ли, если такое можно сказать о голосе. Таких голосов вообще не бывает на свете!

— Алло, алло, Шура...

— Алло, кто это? Алло?

— Вы меня не узнаете? — сказал я (это такой прием умный: вдруг, думаю, сейчас все и объяснится).

— Не-ет... Меня Шурой никто не называет... Хотя... Ой! Если только... Николай, это вы? — неуверенно сказала она.

Была не была, думаю, соглашусь на Николая, тоже хорошее имя, русское, мать меня, кстати, чуть было Колей не назвала, в честь покойного дяди, но потом отец чего-то заартачился. Словом, решил я, буду Николаем. Хотя, с другой стороны, вдруг все-таки агентша или родственница — скандалу не оберешься. И вообще, что это я так рисковать решил, чего ради? Может, у нее только голос красивый... А в остальном — крокодил какой-нибудь африканский... Но какая-то сила уже несла меня, и с ней я никак не мог совладать.

— Да-да, это я, я, Николай! Ты же узнаешь меня, правда?

— Кажется... — неуверенно сказала она.

— Ну, Николай же это, ха-ха... Послушай, я сейчас к тебе приеду, а?

— Прямо сейчас? — Она почему-то засмеялась.

— Ну, понимаешь, такое дело... В общем, нам нужно... мне нужно обязательно, просто абсолютно необходимо тебя увидеть!

— Но... что-нибудь случилось?

— Случилось, но это не телефонный разговор... —

На другом конце помолчали.

— Серьезно?

— Куда уж серьезней...

Нет, ну какой голос все-таки нежный, и какая, видно, жалостливая, не злая бабенка, неужели такие не перевелись еще?..

— Но ко мне... ко мне приехать сейчас никак нельзя... Хочешь, я... Хотите, я сейчас приеду к вам? Но только если это действительно... Это правда совершенно срочно?

— Клянусь, срочнее не бывает! (Потом выкручусь, придумаю что-нибудь, сейчас лишь бы уговорить.)

Телефонная трубка так долго молчала, что я на секунду подумал, будто нас разъединили, но тут волшебный голос очень тихо и почему-то грустно прожурчал:

— Ну ладно, попробую... Хорошо бы такси найти...

Ух и засуетился же я! Забегал по квартире как угорелый, как ошпаренный. Хорошо помню, как мыл посуду, вытирал пыль, застилал постели. Помню, как волновался, словно влюбленный семиклассник, как ждал звонка, как кинулся открывать, даже как дверь распахивал, помню, но вот что увидел за дверью... Вроде бы стояла в проеме девушка неслыханной, обалденной красоты, но описать бы я ее не смог.

А дальше — глубокий, сплошной, черный провал.

...Очнулся я на диване в гостиной темной ночью. Голова болела нестерпимо, и ощущение во рту было непередаваемым.

«Опять, — подумал я, — жена из спальни выставила». Но уже через секунду вспомнил, что жена с дочкой в Житомире. Я вскочил как ужаленный, ногой с трудом нашарил кнопку торшера на полу. При свете в комнате вроде бы все было как обычно. Правда, одежда моя оказалась свалена в углу, а на журнальном столике стояла пустая бутылка из-под «Канасты» и почти пустая — из-под десятилетнего «Отборного», которую я берег для особого случая. Еще на столике — две винные рюмки, одна не использованная, вторая — отдающая коньяком, видно, моя.

«И чего это я так уж сурово-то, а?» — вяло прошуршало в голове. Посмотрел на всякий случай в спальне — никого нет, кровать застелена, видно, не тронута...

Но самое ужасное — я чувствовал в себе такую тоску невозможную, невыносимую, какой никогда не знал. Не скуку, не томление, а именно тоску. «Похмелье такое, что ли, особенное?» — спрашивал я сам себя.

Улегся опять на диван, лежал долго с закрытыми глазами, боролся с приступами тошноты, заснуть не мог. Потом повернулся на левый бок и вдруг вспомнил галлюцинацию про Шурочку Ц. Сказал вслух: «Нельзя все-таки так пить, умрешь». Потом вскочил с дивана, нащупал в пиджаке замшевую записную книжечку желтого цвета, полистал. Страница с буквой Ц была выдрана с корнем!

2

В воскресенье я посещал мать. Но до воскресенья была суббота. Что в субботу-то было? Кажется, весь день я держался хорошо, дотерпел до обеда и выпил только две заваливавшиеся бутылки «Жигулевского». Смотрел хоккей по телевизору, как наши продували финнам.

Ночь на воскресенье опять спал плохо, мучили меня странные сны на женские темы. Одинаковые кукольные лица заглядывали через окно в кухню, смотрели напряженно, как я пью «Канасту», а я притворялся, будто не замечаю их, но, чтобы отстали, делал вид, что звоню по телефону, кричал в трубку: «Юлечка, Юля, говори громче, я не слышу!» И лица исчезали, но потом прямо в кухне материализовалась какая-то женщина, возможно Шурочка Ц., однако лица ее я опять разглядеть не мог, как ни старался. Тут я, кажется, решил схитрить и сказал: «Можно я тебя помою?» Она засмушалась, спросила, не поворачиваясь ко мне: «Зачем? Это ведь неприлично?» — «Прошу тебя, ну что тебе стоит», — уговаривал я. Женщина